

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2025.74.66.007

Эволюции феномена политического заключения в Ирландии в 20-м веке

Елагина Анна Сергеевна

Кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономических дисциплин,
Еврейский университет,
127273, Российская Федерация, Москва, ул. Отрадная, 6;
e-mail: yelagina.anna@gmail.com

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
Член Союза журналистов России (Московское региональное отделение);
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу эволюции феномена политического заключения в Ирландии на протяжении более столетия — с Пасхального восстания 1916 года до современного постконфликтного периода в Северной Ирландии. Исследование прослеживает, как пенитенциарная система трансформировалась в ключевое поле символической и реальной борьбы между государством и его политическими оппонентами, оказывая прямое влияние на динамику конфликта. На основе историко-политического анализа выделяются три основные фазы государственного управления политическими заключенными в период конфликта в Северной Ирландии (1969–1998): «реактивное сдерживание», «криминализация» и «менеджериализм». Особое внимание уделяется стратегиям сопротивления узников (голодовки, протесты, побег) и их роли в политизации республиканского движения. Центральное место в работе занимает изучение трансформации проблемы после Белфастского соглашения 1998 года, когда политическое заключение из массового явления превратилось в управляемую проблему безопасности, характеризующуюся соотношением между публичной декриминализацией и прагматическим признанием особого статуса «диссидентских» групп. Делается вывод о глубокой взаимосвязи пенитенциарной политики с более широкими процессами конфликта, а также о сохранении пенитенциарной системы в качестве барометра политической стабильности и незавершенного исторического примирения в Северной Ирландии.

Для цитирования в научных исследованиях

Елагина А.С., Новиков А.В. Эволюции феномена политического заключения в Ирландии в 20-м веке // Теории и проблемы политических исследований. 2025. Том 14. № 10А. С. 31-37. DOI: 10.34670/AR.2025.74.66.007

Ключевые слова

Политические заключенные, тюремное сопротивление, голодовки, Белфастское соглашение, криминализация, менеджериализм, диссидентский республиканизм, постконфликтное урегулирование, пенитенциарная система.

Введение

Проблема политических заключенных на протяжении более столетия остается неотъемлемой и острой чертой пенитенциарного и политического ландшафта Ирландии. Уже в 1921 году Говардская лига за пенитенциарную реформу выражала озабоченность условиями содержания таких узников, указывая на обвинения в пытках, бесчеловечном обращении и отсутствии независимого надзора. Эта ранняя фиксация проблемы предвосхитила ее долгую историю, в которой пенитенциарная система стала не просто местом изоляции, но и ключевым полем борьбы между государством и его политическими противниками. Эволюция этой борьбы демонстрирует тесную взаимосвязь между практиками заключения, стратегиями сопротивления узников и более широкими процессами конфликта [Bryson, McEvoy, Albert, 2021].

Основное содержание

Исторический опыт политического заключения на острове с 1916 по 1960-е годы выявил устойчивую цикличность и общие черты, сохранявшиеся по обе стороны границы, образовавшейся в 1921 году. Исходной точкой стало Пасхальное восстание 1916 года, после которого британские власти подвергли массовому аресту тысячи ирландских республиканцев. Этот опыт сформировал первоначальную модель, которая затем воспроизводилась: волны арестов и интернирования сопровождали обострение политического конфликта, а его затухание вело к массовым освобождениям. Подписание Англо-ирландского договора 1921 года и последовавшая гражданская война привели к тому, что только в Ирландском Свободном государстве число политзаключенных достигло примерно 12 тысяч человек. Вновь созданные государства — независимая Ирландия и Северная Ирландия — несмотря на идеологические различия, демонстрировали схожий авторитарный подход, активно используя чрезвычайное законодательство, интернирование без суда и специальные трибуналы. В Ирландии таким инструментом стал Особый уголовный суд (учрежденный в 1939 году), известный крайне низким процентом оправданий, а в Северной Ирландии — Закон об особых полномочиях 1922 года, легализовавший интернирование. Условия содержания повсеместно оставались суровыми, а ответом на репрессии были голодовки, побеги и протесты. Таким образом, к концу 1960-х годов сложилась устоявшаяся парадигма: государство отвечало на вызов республиканского движения репрессиями, а узники, в свою очередь, настаивали на своем политическом статусе через разнообразные формы сопротивления [McEvoy, 2001].

Радикальный перелом произошел с началом затяжного конфликта в Северной Ирландии в конце 1960-х годов. Масштабы политического заключения достигли беспрецедентного уровня:

если в 1969 году в тюрьмах содержалось менее 500 человек, то к 1973 году их число выросло почти до 3000, значительную часть которых составляли интернированные. Взаимодействие государства и политических заключенных в этот период прошло через три отчетливые фазы. Первая фаза, «реактивное сдерживание» (1969–1975), была логическим продолжением общей силовой стратегии государства по подавлению восстания. Этот подход, сопряженный с внесудебными убийствами привел к де-факто признанию особого статуса политзаключенных, формализованному в 1972 году введением «Статуса особой категории». Этот статус позволял заключенным содержаться отдельно по фракциям, носить гражданскую одежду и обладать значительной внутренней автономией [Behan, 2011].

Однако в 1976 году британское правительство кардинально изменило курс, начав политику «криминализации». Ее суть заключалась в идеологическом отрицании политического характера конфликта и попытке представить участников вооруженной борьбы как обычных уголовников. Статус особой категории был отменен для новых осужденных, введено обязательное ношение униформы и принудительный труд. Этот период стал временем наиболее ожесточенной конфронтации внутри тюрем. Ответом республиканских заключенных стали «одежный» и «грязный» протесты, а кульминацией — голодовки 1980 и 1981 годов, в ходе второй из которых погибло десять человек. Голодовки стали инструментом политизации республиканского движения. Провал политики криминализации вынудил государство в 1980-х годах перейти к третьей фазе — «менеджериализму». Этот прагматичный подход означал де-факто признание, что пенитенциарная система не может быть местом окончательной победы, и был направлен на управляемое содержание опасных групп. На практике это привело к возврату к ряду практик периода особой категории: раздельному содержанию, ношению собственной одежды и свободе ассоциации, что стабилизировало обстановку в исправительных учреждениях [Moen, 2000].

Стратегии сопротивления политических заключенных, сформировавшиеся в ходе этого конфликта, отличались высокой степенью организации и тесной связью с политической борьбой вне пенитенциарной системы. Помимо голодовок и протестов, ключевыми формами были побег, такие как массовый побег из тюрьмы Мэйз в 1983 году, и стратегическое использование правовой системы. Со временем республиканцы эволюционировали от полного отрицания легитимности судов до тактического применения процедур судебного пересмотра и апелляций к международным правам человека, обращая правовые механизмы государства против него самого [McEvoy, 2001].

Ключевым элементом Белфастского соглашения 1998 года, заложившего основы мирного процесса, стала схема досрочного освобождения политзаключенных. Это была одна из самых болезненных, но необходимых уступок. Результаты оказались впечатляющими с точки зрения предотвращения рецидивов: из 482 освобожденных по схеме лишь у 26 впоследствии была отозвана лицензия. Более того, многие бывшие заключенные активно включились в работу по трансформации конфликта на местном уровне, используя свой авторитет и переговорные навыки для снижения межобщинной напряженности [Bryson, McEvoy, Albert, 2021].

Однако мирный процесс не привел к полному исчезновению политического заключения. Группы так называемых «диссидентских республиканцев», отвергающих Белфастское соглашение, продолжили спорадическую вооруженную деятельность. Их ситуация принципиально отличается от положения республиканцев прошлых эпох: они не пользуются широкой общественной поддержкой, их организации разобщены. Тем не менее, они стремятся конструировать свою политическую субъектность через тюремное сопротивление, такое как кратковременные голодовки. Тюремные власти, извлекая уроки из прошлого, стремятся

избежать ненужной эскалации, идя на прагматичные уступки в вопросах раздельного содержания, чтобы минимизировать тюрьму как фактор радикализации.

Таким образом, после 1998 года феномен политического заключения претерпел фундаментальную трансформацию. Если в период конфликта тюрьма была центральным полем борьбы, то в постконфликтный период она превратилась в инструмент управления маргинальными, но устойчивыми вызовами безопасности. Современная ситуация характеризуется институционализацией подхода к инакомыслию, связанному с насилием, и его глубокой политизацией в контексте хрупких отношений между общинами.

Официальная позиция британского правительства заключается в том, что конфликт завершен, а текущие угрозы носят характер «остаточного терроризма». В рамках этой парадигмы нормализации политическое заключение как таковое не должно существовать. Однако на практике подход остается гибридным. С одной стороны, «диссиденты» привлекаются к ответственности через обычную судебную систему, часто с использованием специальных процедур. С другой стороны, условия их содержания, включая неформальные договоренности о сегрегации по фракциям в тюрьме Магаберри, указывают на сохранение элемента фактического признания их особого, организованного характера. Эта двойственность отражает прагматическую дилемму властей: публичная декриминализация конфликта требует отказа от признания политических мотивов, но поддержание порядка в тюрьмах вынуждает учитывать специфику этих групп.

Доминирующей парадигмой со стороны государства стал менеджериализм, ориентированный на управление рисками. Целью является не идеологическая победа, а предсказуемое сдерживание, предотвращение насилия внутри тюрьмы и минимизация ее роли как центра рекрутинга. Этот технократический подход объясняет готовность к уступкам в условиях содержания, которые одновременно ослабляют поводы для протестов и могут быть представлены как гуманное обращение, а не как признание политического статуса.

Ситуация с политическими заключенными глубоко встроена в внутривнутриполитический контекст Северной Ирландии. Вопросы безопасности остаются в компетенции британского министра, но любые тюремные инциденты немедленно политизируются. Для юнионистских партий жесткая линия в отношении республиканских «диссидентов» является вопросом демонстрации силы. Для националистических партий проблема представляет сложную дилемму: необходимость дистанцироваться от вооруженных групп сочетается с невозможностью выглядеть безразличными к судьбе ирландцев в тюрьмах. Поэтому управление заключенными осуществляется в условиях постоянного политического торга и контроля общественного восприятия.

Важным внешним фактором является влияние глобальной войны с терроризмом и международного права прав человека. Опыт Северной Ирландии был переосмыслен в глобальном контртеррористическом контексте, а обратный процесс привел к применению общебританских антитеррористических законов к североирландским «диссидентам». Параллельно Европейский суд по правам человека создает для властей правовые ограничения, вынуждая балансировать между мерами безопасности и соблюдением стандартов надлежащего судопроизводства.

Политическое заключение в Ирландии на сегодняшний день не исчезло, но метаморфизировало. Оно перестало быть массовым явлением и открытым идеологическим фронтом, превратившись в управляемую, но хроническую проблему в контексте незавершенного постконфликтного урегулирования. Его характеризует символическая

деполитизация при фактическом учете особого статуса групп, доминирование парадигмы управления рисками, глубокая встроенность в межобщинную политику Северной Ирландии и влияние глобальных антитеррористических и правозащитных режимов. Перспективы этой проблемы напрямую зависят от общего хода политического процесса. Успех будет измеряться не ликвидацией этого явления, что маловероятно в обозримом будущем, а способностью системы абсорбировать этот вызов без дестабилизации мира. Пенитенциарная система остается не только местами лишения свободы, но и барометром политического здоровья всего североирландского общества, источником незавершенных исторических споров и сложной реальности постконфликтного сосуществования [Behan, 2011].

Заключение

Столетняя история политического заключения в Ирландии представляет собой репрезентативный случай диалектического взаимодействия государственного принуждения и стратегического сопротивления, воспроизводящего логику более широкого политического конфликта. Эмпирический анализ позволяет утверждать, что пенитенциарная система на протяжении всего указанного периода функционировала не как пассивный институт изоляции, а как активный агент политического процесса, инструмент легитимации и делегитимации, а также пространство формирования коллективных идентичностей.

Проведенное исследование приводит к ряду концептуальных выводов. Во-первых, феномен политического заключения в ирландском контексте демонстрирует устойчивую историческую преемственность и циклический характер. Сформировавшаяся в ранний период (1916-1960-е гг.) базовая парадигма, включавшая волнообразные применения чрезвычайного законодательства и встречные практики сопротивления (голодовки, побег, протесты), воспроизводилась по обе стороны ирландской границы. Ее апогей пришелся на период конфликта в Северной Ирландии (1969-1998 гг.), где эволюция государственной политики прошла через три последовательные фазы: «реактивное сдерживание», «криминализация» и «менеджериализм». Каждая последующая фаза являлась ответом на операционные и идеологические провалы предыдущей, формируя сложный паттерн взаимоотношений государства и политизированных узников.

Во-вторых, исправительные учреждения в условиях североирландского конфликта выступали в роли микрокосма общества, становясь центральным полем символической и практической борьбы. Управление политическими заключенными не было сугубо пенитенциарной задачей, а оказывало непосредственное воздействие на динамику насилия, стратегические расчеты негосударственных вооруженных акторов и уровень их общественной поддержки. Наиболее репрезентативным примером данной взаимосвязи стали голодовки 1981 года, которые, будучи внутритюремным актом протеста, привели к кардинальной трансформации политического ландшафта, ускорив переход республиканского движения к парламентской тактике.

В-третьих, Белфастское соглашение 1998 года не привело к исчезновению феномена, но вызвало его структурную трансформацию. Из массового и открытого идеологического фронта политическое заключение трансформировалось в маргинальную, но устойчивую проблему управления безопасностью в постконфликтном обществе. Современная ситуация характеризуется фундаментальным противоречием между публичной риторикой «нормализации» и «криминализации» и практическим применением гибридного подхода,

который де-факто признает организованную и идеологическую природу групп, продолжающих отвергать соглашение.

Библиография

1. Васяев А.А. Должен ли суд проявлять активность при исследовании доказательств? // Современное право. 2009. № 11. С. 96 – 101.
2. Васяев А.А. Достоверные сведения при разрешении вопроса о заключении под стражу // Современное право. 2010. № 6. С. 92 – 95.
3. Васяев А.А. Разрешение вопроса о заключении подсудимого под стражу (продление срока содержания под стражей) в ходе судебного разбирательства // Современное право. 2009. № 3. С. 116 – 119.
4. Васяев А.А. Что понимается под проверкой при производстве по уголовному делу в суде апелляционной инстанции // Современное право. 2013. № 1. С. 84 – 86.
5. Васяев А.А., Пальчикова М.В. Протокол судебного заседания $\frac{3}{4}$ доказательство? // Современное право. 2010. № 4. С. 116 – 119.
6. Behan C. The benefit of personal experience and personal study: prisoners and the politics of enfranchisement // The Prison Journal. – 2011. – Т. 91. – №. 1. – С. 7-31.
7. Bryson A., McEvoy K., Albert A. Political prisoners and the Irish conflict 100 years on // The Howard Journal of Crime and Justice. – 2021. – Т. 60. – №. S1. – С. 79-91.
8. McEvoy K. Paramilitary imprisonment in Northern Ireland: Resistance, management, and release. – Oxford University Press, 2001.
9. Moen D. Irish political prisoners and post hunger-strike resistance to criminalisation // British Criminology Conference: Selected Proceedings. – 2000. – Т. 3. – С. 1-31.
10. Morrison J. F. A time to think, a time to talk: Irish Republican prisoners in the Northern Irish peace process // Prisons, Terrorism and Extremism. – Routledge, 2014. – С. 75-85.

Evolution of the Phenomenon of Political Imprisonment in Ireland in the 20th Century

Anna S. Elagina

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
Department of Economic Disciplines,
Jewish University,
127273, 6, Otradnaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: yelagina.anna@gmail.com

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Member of the Russian Union of Journalists (Moscow regional branch);
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement,
Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The article is dedicated to analyzing the evolution of the phenomenon of political imprisonment in Ireland over more than a century—from the Easter Rising of 1916 to the contemporary post-conflict period in Northern Ireland. The study traces how the penitentiary system was transformed into a key arena of symbolic and real struggle between the state and its political opponents, directly influencing the dynamics of the conflict. Based on a historical-political analysis, three main phases of state management of political prisoners during the Northern Ireland conflict (1969–1998) are identified: "reactive containment," "criminalization," and "managerialism." Particular attention is paid to prisoner resistance strategies (hunger strikes, protests, escapes) and their role in the politicization of the republican movement. Central to the work is the examination of the transformation of the issue after the Belfast Agreement of 1998, when political imprisonment transitioned from a mass phenomenon into a managed security problem, characterized by a balance between public decriminalization and pragmatic recognition of the special status of "dissident" groups. It is concluded that there is a deep interconnection between penitentiary policy and the broader processes of the conflict, as well as the preservation of the penitentiary system as a barometer of political stability and unfinished historical reconciliation in Northern Ireland.

For citation

Elagina A.S., Novikov A.V. (2025) Evolutsii fenomena politicheskogo zaklyucheniya v Irlandii v 20-m veke [Evolution of the Phenomenon of Political Imprisonment in Ireland in the 20th Century]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 14 (10A), pp. 31-37. DOI: 10.34670/AR.2025.74.66.007

Keywords

Political prisoners, prison resistance, hunger strikes, Belfast Agreement, criminalization, managerialism, dissident republicanism, post-conflict settlement, penitentiary system.

References

1. Vasyaev A.A. Should the court be active in examining evidence? // *Modern law*. 2009. No. 11. pp. 96-101.
2. Vasyaev A.A. Reliable information in resolving the issue of detention // *Modern law*. 2010. No. 6. pp. 92-95.
3. Vasyaev A.A. Resolution of the issue of the defendant's detention (extension of the period of detention) during the trial // *Modern law*. 2009. No. 3. pp. 116-119.
4. Vasyaev A.A. What is meant by verification during criminal proceedings in the court of appeal // *Modern law*. 2013. No. 1. pp. 84-86.
5. Vasyaev A.A., Palchikova M.V. Minutes of the court session and evidence? // *Modern law*. 2010. No. 4. pp. 116-119.
6. Behan S. The benefits of personal experience and personal study: prisoners and the policy of granting civil rights // *Prison Magazine*, 2011, vol. 91, No. 1, pp. 7-31.
7. Bryson A., McAvoy K., Albert A. Political prisoners and the Irish conflict after 100 years // *The Howard Journal of Crime and Justice*. – 2021. – Vol. 60. – No. S1. – pp. 79-91.
8. McAvoy K. Imprisonment of paramilitary groups in Northern Ireland: resistance, management and release. Oxford University Press, 2001.
9. Moen D. Irish political Prisoners and resistance to criminalization after the hunger strike // *British Criminological Conference: Selected Materials*. – 2000. – Vol. 3. – pp. 1-31.
10. Morrison J. F. Time to think, time to talk: Irish Republican prisoners in the Northern Ireland peace process // *Prisons, terrorism and extremism*. – Routledge, 2014. – pp. 75-85.